

преследовала свои цели, но в своей основе он был демократическим движением.²

Плеханов, справедливо критикуя в «Истории русской общественной мысли» идеализаторов раскола, в то же время подчеркивает, что «движение это несомненно опиралось на недовольство народа своим постоянно ухудшавшимся положением».³ Он же, характеризуя консервативную форму выражения «существенных интересов разных классов народа» в Московской Руси XVII в., говорит о том, что «оппозиционная мысль Московского государства...» «стала смотреть назад в лице трудящейся массы», и объясняет, что это «постоянное обращение оппозиционной мысли назад, а не вперед обуславливалось неразвитостью общественных отношений, отнимавшей у представителей оппозиции всякую возможность наметить для своей страны путь поступательного, а не попятного движения».⁴

Значит, и сам противоречивый факт консервативной формы выражения оппозиционных антифеодальных настроений трудящихся масс Московской Руси XVII в. находит объяснение в специфических объективных условиях русской общественной жизни той эпохи.

Только учитывая конкретные условия русской феодальной действительности XVII в. и принимая во внимание приведенный выше вывод Ф. Энгельса, можно правильно поставить вопрос о сущности и формах демократической литературы XVII в.

Нарастание возмущения в народных массах явилось источником не только свободолюбивых, бунтарских произведений в народной поэзии, но и прогрессивного направления в русской литературе XVII в., известного под названием демократической сатиры и глубоко исследованного в трудах В. П. Адриановой-Перетц. Закономерным было в советском литературоведении выделение именно этой линии демократической литературы XVII в., поскольку в ней своеобразно выразились сильные стороны сознания народных масс Руси той эпохи. Однако пришло время более всестороннего рассмотрения демократической литературы древней Руси.

Сознанию народных масс феодального общества присущи и слабости, и иллюзии, и заблуждения, и религиозные настроения, и всевозможные предрассудки, и консерватизм. Закрывать глаза на это значило бы идеализировать народ той поры. Но еще более существенным является то, что как в жизни, так и в искусстве народных масс феодальной эпохи были тесно переплетены, а зачастую и слиты в единое целое бунтарские настроения и религиозность, здравый смысл и предрассудки, порывы к правде и заблуждения.

С этой точки зрения нам представляется правоммерным поставить вопрос о принадлежности к демократической литературе и такого сложного по своему идейному содержанию памятника как «Житие» протопопа Аввакума, по традиции относимое в рубрику «старообрядческая литература», что, на наш взгляд, сужает литературно-общественное значение этого выдающегося памятника.

Противоречивая сущность раскола как одной из форм демократического движения второй половины XVII в. определила и противоречивый смысл деятельности Аввакума. Будучи служителем культа, он вместе

² См.: Л. Е. Анкудинова. Социальный состав первых раскольников. — Вестник ЛГУ, № 14, сер. истории, языка и литературы, в. 3. Л., 1956.

³ Г. В. Плеханов, Собр. соч., т. XX, 1925, стр. 335.

⁴ Там же.